

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 347.91/.95
ББК 67.410

ПРАВОВАЯ «НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ» КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ПРАВОСУДИЯ

М. А. Боловнев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

И. В. Рехтина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Исследуется влияние правовой определенности гражданского процессуального законодательства и практики его применения на создание надлежащих условий для эффективной реализации правосудия. Подчеркивается, что отсутствие правовой определенности, а именно ее противоположность — правовая «неопределенность», порождает как законодательные коллизии, так, что еще более значимо, правоприменительные проблемы, существенно снижающие доступность правосудия для нуждающихся в судебной защите лиц. Суды неоднородно используют устоявшиеся процессуальные нормы, применяя формалистский подход, ставя под угрозу вынесение законного и обоснованного судебного акта. В целях преодоления состояния правовой неопределенности и, как следствие, повышения эффективности судопроизводства требуется использование таких приемов юридической техники, которые не влекут появления казуистичных норм права. Модель наиболее общих норм применима к любой возникающей процессуальной ситуации с учетом системного и целевого способов толкования. Именно такой подход к построению системы законодательства вкупе с последующим применением норм на основании внутреннего убеждения и судебской дискреции позволит обеспечить единство судебной практики.

Ключевые слова: правосудие, доступность правосудия, эффективность правосудия, правовая определенность, злоупотребления процессуальными правами, гражданское судопроизводство, судебная практика, правоприменение.

LEGAL CERTAINTY AS AN EVALUATIVE CATEGORY IN CIVIL PROCEEDINGS

M. A. Bolovnev

Altai State University (Barnaul, Russia)

I. V. Rekhtina

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article explores the effect of the legal certainty of civil procedure legislation and its application on the creation of appropriate conditions for the effective implementation of justice. It is stressed that the lack

of legal certainty, namely, its opposite — legal “uncertainty,” creates both legislative conflicts and, even more significantly, law enforcement problems, which significantly reduce the accessibility of justice to persons in need of judicial protection. The courts used different procedural rules, using a formalistic approach, jeopardizing the delivery of a lawful and justified judicial act. In order to overcome the state of legal uncertainty and, as a result, to improve the efficiency of legal proceedings, it is necessary to use techniques of legal technique that do not lead to the emergence of causal rules of law. The model of the most general rules is capable of being applicable to any emerging procedural situation, taking into account systemic and targeted modes of interpretation. It is this approach to the construction of the system of legislation, together with the subsequent application of the rules on the basis of internal conviction and judicial discretion, that will ensure the unity of judicial practice.

Key words: justice, access to justice, efficiency of justice, legal certainty, abuse of procedural rights, civil proceedings, judicial practice, enforcement.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2019\)4.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2019)4.1)

Текущий период характеризуется реформированием как системы судов, так и процессуального законодательства в целом. Некоторые изменения предложены судебным сообществом. Так, ряд проектов федеральных законов, впоследствии внесенных в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, оформлены постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум ВС РФ).

Многие изменения связаны с оптимизацией гражданского судопроизводства, направлены на упрощение процессуальной формы. В действующем процессуальном законодательстве появляются новые виды примирительных процедур, что само по себе может сказаться на количестве рассматриваемых дел, если данные нововведения вкупе с задачей гражданского судопроизводства — формирование партнерских деловых отношений — поспособствуют урегулированию многих споров еще до обращения в судебные органы.

Однако упрощение процессуальной формы не должно влечь за собой «усложнение» порядка обращения за судебной защитой. Зачастую для обеспечения эффективности правосудия достаточно корректно реализовывать нормы процессуального права, позволяя субъектам в максимально сжатые сроки добиваться рассмотрения гражданского дела. В свою очередь формалистский подход ведет не просто к затягиванию сроков обращения в судебные органы, но и ставит под угрозу вынесение законного и обоснованного судебного акта вследствие незакрепления распорядительными актами сведений о фактах и других причин, связанных с временным отдалением от событий, породивших конфликтную ситуацию.

Правовая определенность как многоаспектное правовое явление [1, с. 51] в качестве одного из элементов своего режима подразумевает стабильность. Стабильность выражается в идентичном подходе к применению норм процессуального права. *Res judicata* должен быть своеобразным «стержнем», удерживающим сплав законодательства и практики его применения в период трансформации судебной системы и процессуальной формы. Между тем практика показывает, что суды недостаточно однородно используют процессуальные нормы, уже устоявшиеся к этому моменту, порождая новые нюансы обеспечения доступности правосудия. Правосудие может и должно быть «определенным», однако всякая модернизация будет сопровождаться уменьшением эффективности правосудия, если количество рассматриваемых дел будет снижаться по причинам, не зависящим от воли лиц, желающих обратиться за судебной защитой, которая в большинстве случаев им необходима.

Аналитические расчеты, касающиеся эффективности правосудия, не умалятся в случае использования узкого подхода к пониманию категории «правосудие». Так, если последнее рассматривать как деятельность судов, начинающуюся с момента подачи заявления в суд до вынесения итогового акта, которым оканчивается производство по делу, то упускается существенное звено, не позволяющее значению индекса эффективности отразить реальное положение дел. Следует учитывать, что имеется коэффициент, указывающий на количество дел, производство по которым не началось, однако его субъекты нуждаются в судебной защите нарушенных или оспариваемых субъективных прав.

Неопределенность в части обеспечения доступности правосудия наблюдается в ситуациях, когда реальная защита прав и оспариваемых законных интересов оказалась невозможной. Так, мировой судья судебного участка № 1 Первомайского района Алтайского края неправомерно вынес определение об оставлении заявления без движения. В качестве причин было указано на то, что приложенные «распечатки переписки из мессенджера WhatsApp» не оформлены надлежащим образом, а именно «протокол осмотра соответствующих страниц у нотариуса отсутствует, в иске не указано, что истец в судебном заседании предоставит возможность исследовать переписку с мобильного устройства». Однако при подаче искового заявления такого обязательного требования закон не устанавливает, а оценка доказательств не может происходить на стадии возбуждения гражданского дела.

В описанном случае наблюдается отсутствие действия принципа *res judicata* в применении норм процессуального права. Резонно говорить об отказе в реализации права на судебную защиту. При условии, что отказ в правосудии можно понимать как ситуацию, при которой суд не рассматривает по существу заявление без достаточных для того законных оснований, можно утверждать, что восстановление режима законности не состоялось.

М. К. Треушников указывает на то, что «процессуальные действия по указанию на доказательства, а не по их фактическому представлению предусмотрены в качестве требования, предъявляемого к форме искового заявления» [2, с. 222]. Вряд ли неприложение доказательств может выступать формальным основанием для оставления заявления без движения. Несмотря на упоминание в ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) термина «должен», само по себе доказывание является правом, а не обязанностью лиц, участвующих в деле [3, с. 132]. Предпосылки права на предъявление иска и условия его реализации, нашедшие свое формальное закрепление в ст. 134, 135 ГПК РФ, истцом были выполнены. Обязанность указать на то, что надлежащим образом удостоверенные копии документов будут представлены в судебном заседании, процессуальное законодательство не закрепляет.

Судья при вынесении определения мог указать на необходимость представить в суд определенные документы. У истца имелась возможность собрать необходимые сведения в ходе этапа подготовки дела к судебному разбирательству, равно как и у самого суда. Более того, он имел возможность действовать пассивно, у суда имелись бы основания для отказа в удовлетворении требований, но не для оставления заявления без движения.

Кроме того, фактически суд произвел оценку доказательств, что допускается исключительно в стадии судебного разбирательства. На предшествующих же этапах лишь определяется предмет доказывания и организуется соби́рание доказательств.

Между тем в данном случае суд фактически вышел за пределы разрешения тех вопросов, которые отнесены именно к стадии возбуждения производства по делу. Тем самым проигнорированы правила о том, что затребовать необходимые для разрешения дела доказательства суд вправе лишь при его подготовке к судебному разбирательству (ст. 148, 149 ГПК РФ), а при рассмотрении иска по существу — лишь вправе предложить сторонам представить новые (дополнительные) доказательства (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ) [4]. Для судебной практики сохраняет актуальность формально утратившее силу разъяснение: «Недопустим отказ в возбуждении гражданского дела по мотивам недоказанности заявленного требования, пропуска срока исковой давности и другим не предусмотренным законом основаниям» [5, с. 809].

Зачастую наиболее эффективным оказывается простое решение, заключающее в себе оптимальность и рациональность совершаемых действий. Оставив заявление без движения, судья не уменьшил нагрузку, ибо заявление будет подано вновь, что обусловит вынесение определения о принятии заявления и подготовке дела к судебному разбирательству. Напротив, совершение необязательных процессуальных действий повлечет снижение эффективности правосудия вследствие дополнительных расходов, понесенных судебным органом. Помощник судьи, готовивший проект, нес и временные потери, которые потенциально негативно могут сказаться на иных рассматриваемых делах. Исковая оптимальность в данном случае кроется в правильном толковании, а именно уяснении норм процессуального права, чего не обнаружилось в рассматриваемом случае. Это выступает ключевым фактором при определении итогового значения эффективности правосудия.

Иная по сути, но схожая по модели ситуация наблюдалась при вынесении определения о возвращении искового заявления Железнодорожным районным судом Барнаула. Основанием для соверше-

ния подобного процессуального действия, по мнению суда, послужил тот факт, что цена иска не превысила пятьдесят тысяч рублей. Данный факт представлялся бы логичным, если не то обстоятельство, что истец, помимо прочего, заявил требование о компенсации морального вреда. В этой связи определенные сомнения вызывает выбранная судебная позиция, поскольку ч. 1 ст. 23 ГПК РФ с оговоркой, предусмотренной ч. 2 ст. 23 ГПК РФ, закрепляет формально исчерпывающую компетенцию мировых судей, исключая возможность рассмотрения дел о возмещении морального вреда. Словно игнорируя указанное обстоятельство, суд также отказал в реализации права на судебную защиту.

Под еще большим вопросом оказывается эффективность правосудия с учетом того обстоятельства, что истцу было рекомендовано обратиться к мировому судье соответствующего судебного участка. Последний, руководствуясь ст. 23 ГПК РФ и однозначно толкуя ее, совершил крайне ожидаемое процессуальное действие по возвращению искового заявления. Сам же истец оказался в процессуальном «тупике». Причина описанной ситуации, сводящей возможность достижения задач гражданского судопроизводства к минимуму и повышающей временные и денежные затраты, а также человеческие ресурсы, вновь кроется не просто в отсутствии правовой определенности, а в невозможности обеспечения действия данного режима к нормам, функционирующим достаточно длительный период и имеющим, казалось бы, устойчивую практику применения.

Факторами, влияющими на нестабильное применение императивных на первый взгляд норм, являются позиции, формируемые Верховным Судом РФ. Так, в Постановлении Пленума от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» указано, что при рассмотрении дел о компенсации причиненных нравственных или физических страданий необходимо учитывать, что «моральный вред признается законом вредом неимущественным, несмотря на то, что он компенсируется в денежной или иной материальной форме». Суд вправе рассмотреть такое требование и в качестве самостоятельного, поскольку в силу действующего законодательства ответственность за причиненный моральный ущерб не находится в прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно.

С другой стороны, существуют и другие, в том числе нашедшие определенную поддержку среди правоприменителей позиции, однако обладающие, на наш взгляд, определенной дискуссионной составляющей. Так, предлагается исковое заявление о компенсации морального вреда подавать мировому судье, если одновременно с требованием имущественного характера на сумму не более 50 000 руб. заявлено производное от него требование о компенсации морального вреда.

На данном этапе не столь важны решение вопроса о подсудности и анализ всех положительных и отрицательных сторон соответствующего вывода, сколь важно установление единых критериев к решению вопроса по описанной ситуации, поскольку мировой судья после возвращения районным судам искового заявления к рассмотрению последнего не приступил. В этом и проявляется определенная непоследовательность в толковании давно существующих норм права, влекущая несоблюдение принципа правовой определенности и сказывающаяся на эффективности правосудия.

Резонный вопрос: является ли подобная ситуация вновь возникшей? Еще один вопрос: закономерна ли тенденция или же речь о единичных ошибках? Ситуация, действительно, не новая, и вряд ли речь идет просто об ошибках, поскольку приведенные примеры встречаются достаточно часто в судебной практике.

В данном случае речь идет не просто о неправильном применении норм процессуального права. Дело в том, что эффективность правосудия понижается не только по конкретным делам, а способна сойти на минимальные значения в случае, если текущее реформирование процессуального законодательства будет возводиться на «непрочном фундаменте». К сожалению, подобная неопределенность «запускает» сложный маховик негативных социальных последствий. Субъекты лишаются возможности восстановить свои субъективные права и получить защиту законных интересов, что обуславливает последующую инертность в участии в гражданском обороте.

В целях преодоления состояния правовой неопределенности и, как следствие, повышение эффективности судопроизводства требуется использование таких приемов юридической техники, которые не влекут появления казуистичных норм права. К сожалению, этот путь совершенно непродуктивен. Процессы деактуализации будут происходить моментально с развитием самой процессуальной фор-

мы, что повлечет за собой лишь необходимость новых изменений. Кроме того, возможность расширительного и системного толкования в таком случае объективно снижается.

Напротив, модель наиболее общих норм способна быть применимой к любой возникающей процессуальной ситуации с учетом системного и целевого способов толкования. Именно такой подход к построению системы законодательства вкупе с последующим применением норм на основании внутреннего убеждения и судебной дискреции позволит обеспечить единство судебной практики. Использование общих, зачастую бланкетных, норм не является причиной ущемления субъективных прав. Рассмотренные выше примеры свидетельствуют об обратном — даже наличие однозначных правил поведения не влечет абсолютно безошибочных действий. Имея возможность обеспечения вариативности поведения, судебные органы максимально эффективно используют основные начала и идеи гражданского судопроизводства.

Библиографический список

1. Рехтина И. В. Многоаспектный характер категории «правовая определенность» в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2019. № 7. С. 51–55.
2. Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2004. 272 с.
3. Боловнев М. А. Противодействие злоупотреблениям гражданскими процессуальными правами. Барнаул, 2018. 220 с.
4. Журбин Б. А. Групповые и производные иски в судебно-арбитражной практике // СПС «Гарант», 2009. URL: https://www.studmed.ru/zhurbin-ba-grupповые-i-proizvodnye-iski-v-sudebno-arbitrazhnoy-praktike_007d33e9162.html.
5. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по гражданским делам / сост. А. П. Сергеев. М., 2000.